

Летний день — что лицо ребенка: меняется в одно мгновение.

Еще вечером небо заливали золотые лучи заката, но вскоре тяжелые грозовые тучи, словно разлитые чернила, стремительно поглотили звезды и луну, нависнув над городом тяжким бременем. Наконец, ближе к полуночи, накопившаяся энергия вырвалась наружу.

Грохот!

Ослепительная вспышка молнии, словно гигантский топор, разрубила ночной мрак, а следом за ней грянул оглушительный удар грома.

Лу Линь, прислонившись к изголовью кровати, просматривал электронный договор. Его пальцы замерли на планшете, а брови слегка нахмурились. Ему скоро тридцать, он давно перерос тот возраст, когда бояться грозы, но стоило боковым зрением заметить крошечный комочек на подушке, как сердце тревожно сжалось.

И правда: Хуэйхуэй, еще минуту назад сладко спавший пушистым шаром, внезапно вздыбил всю шерсть. Он резко вздрогнул, будто ошпаренный, а его хвост вытянулся прямой жесткой палкой. Очередная вспышка молнии осветила страх, застывший в его янтарных глазах, и жалобное, полное слез «мяу» заставило сердце Лу Линя дрогнуть.

— Испугался? — Лу Линь отложил планшет; в его голосе прозвучали нотки нежности, которых он сам не заметил.

Он потянулся, чтобы погладить взъерошенную спинку кота, но едва кончики пальцев коснулись мягкой шерстки, как малыш пулей нырнул под тонкое одеяло. Он точно зарылся Лу Линю в живот, спрятавшись с головой — снаружи остался лишь пушистый зад да кончик хвоста, который мелко дрожал.

Гром гремел один за другим, казалось, само небо сейчас расколется. Крошечный пушистый комочек под одеялом задрожал еще сильнее, и в уши Лу Линя просочилось прерывистое, жалобное поскуливание. Когти кота бессознательно впились в ткань пижамы, оставляя на шелке мелкие заломы.

Малыш видел в нем единственную надежду на спасение. Лу Линь сглотнул, выключил лампу у кровати и сам нырнул под одеяло. Одной рукой он обхватил трясущийся комочек, прижимая его к себе.

— Не бойся, я рядом.

Он прижался подбородком к пушистой макушке, говоря совсем тихо. Его ладонь медленно поглаживала напряженную спину от загривка до самого хвоста, пока тело в его руках не перестало быть жестким и не расслабилось, а дрожь постепенно не утихла. Казалось, Хуэйхуэй действительно нашел покой в тепле своего хозяина — он потерялся маленькой головкой о его

грудь. Розовый носик коснулся пуговиц пижамы, и из горла донеслось довольное мурчание.

За окном барабанил дождь, в спальне горел лишь тусклый ночник, освещая обнявшихся человека и кота. Лу Линь, прижимая к себе маленькую грелку и вдыхая тонкий молочный аромат, вдруг ощутил, как навалилась накопившаяся за день усталость. Когда сознание начало меркнуть, он машинально сжал объятия, притиснув Хуэйхуэя еще ближе, и легонько погладил его мягкий животик.

...Прошло неизвестно сколько времени, когда Лу Линь во сне нахмурился. Что-то не так. «Маленький комочек» в его руках стал тяжелее, а кожа — обжигающе горячей. Больше никакой пушистой шерстки, только гладкая, нежная и упругая кожа.

В полудреме он протянул руку и коснулся теплого тела. Не мех, а гладкие, влажные от пота... плечи?!

Сон как рукой сняло — Лу Линь резко открыл глаза!

В спальне по-прежнему царил полумрак, свет ночника был еле различим. Он в оцепенении опустил взгляд, затаив дыхание. Где кот? Где его серый, пушистый комочек, который вечно терся о ладонь? Сейчас в его объятиях, положив голову на его руку, крепко спал юноша!

Ему было лет восемнадцать-девятнадцать. Белоснежная кожа в тусклом свете отливала розовым, на шее отчетливо проступали тонкие голубые венки. Светло-серые волосы мягко рассыпались по лбу, прядки слегка подрагивали в такт дыханию. Черты лица были до невозможности изящными, а длинные густые ресницы, словно маленькие веера, опустились на веки. У него был прямой аккуратный нос и природные розовые губы, уголки которых были слегка приподняты, даже во сне сохраняя кошачью невинность.

Больше всего Лу Линя сбивало с толку то, что на юноше была его собственная темно-синяя шелковая пижама, которую он надел только вчера вечером. Размер был явно велик, одежда мешковато висела на хрупком теле, воротник съехал набок, обнажая изящные ключицы. Рукава закрывали кисти рук, а подол едва прикрывал бедра, открывая стройные ноги.

Юноша спал беспокойно: по привычке, оставшейся с того времени, когда он был котом, он еще сильнее прижался к груди Лу Линя. Он потерся щекой о его грудь, издавая невнятное бормотание, напоминающее кошачье «мяу».

Лу Линь застыл, казалось, его кровь почти застыла. Это галлюцинация? Или он так перетрудился, что окончательно сошел с ума? Его кот... стал человеком?

Юноша, похоже, почувствовал, что тело Лу Линя напряглось, и недовольно нахмурился. Он протянул руку и мягко положил её Лу Линю на грудь. Пальцы слегка зашевелились, будто он переминал лапками, легонько надавливая на ткань пижамы.

Нажим был слабым, но каждый миг отдавался в самом сердце Лу Линя, словно его касались перышком. Юноша тихо, удовлетворенно замурчал.

— ...

Этот звук окончательно разрушил все сомнения.

Это был он. Это был его Хуэйхуэй. Тот самый малыш, который хулиганил на клавиатуре, который терся о ладони, требуя ласки, и спал, обняв его палец. Теперь он превратился в живого человека. И всё так же прижимался к нему, совершая те же движения, что и раньше.

Чувство абсурда, смешанное с необъяснимым волнением, вскружило Лу Линю голову. Он подсознательно хотел отстраниться, но руки словно приросли к месту. Температура тела юноши обжигала, его дыхание касалось груди.

Это его Хуэйхуэй. Тот, кого он подобрал, кого выкормил, кого считал лишь своим. Будь он котом или человеком — он принадлежит ему. Стоило этой мысли промелькнуть в голове, как напряжение Лу Линя немного отпустило.

Он глубоко вдохнул, пытаясь подавить неуместное волнение, и осторожно высвободил затекшую руку. Юноша во сне недовольно засопел, уткнулся в подушку и, обняв её, продолжил спать, пожевав губами.

Лу Линь, прислонившись к спинке кровати, разглядывал юношу в тусклом свете. Его взгляд скользил от ресниц к губам и дальше — к обнаженным ключицам. Даже став человеком, он оставался таким же неугомонным, даже во сне не может лежать спокойно.

Дождь за окном неизвестно когда стих, с карниза мерно капали капли. Лу Линь просидел так всю ночь: от первого шока к хаотичным мыслям, а затем — к вынужденному, но нежному принятию. Ему было почти тридцать, он повидал всякое, но угораздило же его влюбиться в кота... О нет, в юношу, который когда-то был котом.

Когда небо начало светлеть, утренние лучи просочились сквозь щель в занавесках, окрашивая профиль юноши в мягкий золотистый цвет. Он, кажется, проснулся: ресницы дрогнули, и он медленно открыл глаза.

Это были те же янтарные глаза, что и у Хуэйхуэя — ясные и простодушные. Увидев Лу Линя, они мгновенно просияли.

Сердце Лу Линя пропустило удар, и он машинально произнес:

— Проснулся?

Юноша ничего не ответил, лишь, как прежде, обхватил его за талию и уткнулся лицом в грудь.

— Лу... Линь...

Похоже, он еще не привык к человеческой речи и говорил с запинками. Голос был нежным, с сонными нотками, и, как и то давнее «мяу», он заставил сердце Лу Линя затрепетать.

Взрослый мужчина внутри него окончательно сдался. Он протянул руку и взъерошил волосы юноши, намеренно задержав пальцы на прядях чуть дольше положенного.

Начался новый день. Лу Линь знал: его жизнь перевернулась с ног на голову. Но глядя на этого доверчивого юношу, он решил — пусть так. В конце концов... это его Хуэйхуэй, и всё остальное не имеет значения.

<http://bllate.org/book/21839/2263755>